

Париж

Суэта утихла. В маленьком, тускло освещенном бистро, расположенном на площади Пигаль, остались только запоздалые гуляки. Среди них странно и неуместно смотрелись два господина в элегантных фраках. Закончив долгую прогулку по увеселительным заведениям, они теперь потягивали крепкий кофе, макая в него свежие круассаны. В углу рядом со входом вокруг стола собралась группа молодых людей в кепках. Потрепанная одежда выдавала в них представителей богемы. Они веселились так буйно, как будто не знали, что когда-нибудь настанет утро и вернет их к будничным заботам. Это определенно были здешние завсегдатаи, чувствовавшие себя в этой забегаловке как дома. Они окружили молодую женщину, чей голос звучал громче всех. Она непрерывно что-то говорила и быстрее всех опустошала бокал за бокалом. К ней то и дело устремлялись взгляды как уважаемых господ, так и размалеванной блондинки, которая закончила свою ночную работу и теперь потягивала пастис¹, пересчитывая лежавшие на стойке купюры, полученные от клиентов и причитавшиеся сутенеру. Эти женщины были явно знакомы.

Миниатюрную особу, находившуюся в центре всеобщего внимания, звали Эдит Гассион — ей был всего двадцать один год, рост ее едва достигал полутора

¹ Пастис — популярная во Франции анисово-лакричная настойка.

метров. Вряд ли ее можно было отнести к тому типу женщин, которых принято называть бесспорно привлекательными: слишком высокий лоб, слишком тонкий и длинный нос, непослушные темные волосы. Но каждый, кто заглядывал в ее карие глаза, видел в них одновременно озорство, упрямство и печаль и подпадал под ее очарование. Голос и завораживающий взгляд — вот что делало ее по-настоящему прекрасной. Ночью глаза девушки мерцали особенно ярко, подобно звездам, которые вспыхивают на небе, когда почтенные буржуа отправляются ко сну.

Эдит особенно любила время между одиннадцатью вечера и шестью утра, его она обычно проводила, празднуя завершение очередного пережитого дня. И хотя у нее никогда не было много денег, она почти всегда платила за всех своих друзей.

Из открывшейся двери потянуло холодом. Поначалу никто не обратил на это внимания, поскольку дело было уже под утро, когда на смену гулякам приходили первые ранние пташки — люди в рабочей одежде, начинавшие здесь свой день с кофе и коньяка. Но высокий худой мужчина лет тридцати пяти, вошедший в бистро, явно принадлежал к другому типу клиентов. Он был хорошо одет, на плечах его элегантного пальто таили снежинки. Очевидно, что он не нуждался ни в последней порции алкоголя перед сном, ни в напитке, который помог бы ему проснуться. Он быстро огляделся, нахмурился и, сжав губы, направился к угловому столику. За стулом Эдит мужчина остановился.

— Ты должна прийти в себя, — буркнул он. — Немедленно! Ты слышишь?

Она слышала его, но не понимала. Причиной тому была не суета вокруг и не вино с коньяком, которые она поглощала. Она повернулась к вошедшему,

озадаченная единственным вопросом: почему в это позднее время он находится не в постели с женой?

— Оставь меня в покое, Раймон. Сначала измени собственную жизнь!

Один из ее друзей посмотрел на незнакомца сквозь бокал с вином.

— Кто это?

— Разрешите представить... — Эдит сделала нарочитый, приличествующий случаю жест. — Это Раймон Ассо, поэт и любитель женщин, солдат Иностранного легиона и... — Она заколебалась и, опустив веки, тихо добавила: — Мой друг и учитель.

Еще немного — и она сказала бы, что он ее *большая любовь*. В каком-то смысле каждый новый мужчина в ее жизни был большой любовью. Но с Раймоном вышло по-другому, он оказался *особенным*. Тем не менее Эдит так и не произнесла эти слова. В тот момент она любила Раймона чуть меньше, чем всегда, ведь его появление рассердило ее.

Многоголосый смех был ей ответом. Ее хрупкое тело дернулось, она встала и затем чуть не легла на стол, чтобы достать бутылку из потертого, пожелтевшего ведерка, которое когда-то вполне могло быть посеребренным. Ее яркая юбка с оборками задралась, обнажив бедра.

— Хочешь выпить с нами? — бросила она через плечо.

— Ты ведешь себя как проститутка, — выругался Раймон, энергичным рывком усадив ее обратно на стул.

Эдит лишь пожала плечами. Его слова не трогали ее. Ее вообще не интересовало, что говорят о ней мужчины. Проститутка, шлюха — эти определения она даже не считала за оскорбления. Там, откуда она

родом, были в ходу разные обозначения для женщины, там никто не церемонился. Мать родила ее на лестнице в Бельвиле². Во младенчестве Эдит жила у бабушки по материнской линии, которая держала ее впроголодь. Затем она росла под Руаном в борделе, принадлежавшем бабушке по отцовской линии. Именно в этом заведении Эдит впервые испытала что-то вроде любви. В том возрасте, когда другие девочки начинали учиться в школе, отец забрал ее из-под опеки проституток. Вместе с ним она жила в бродячем цирке, потом на улице. Комната в «Пикадилли» — заштатном пансионе на площади Бланш, со сравнительно приличными обитателями — выгодно отличалась от всего этого. Раймон поселил ее там совсем недавно. Тот самый Раймон, который пытался сделать ее лучше, чем она была, и который, как она знала, вовсе не думал так, как мог высказаться в гневе.

Он игнорировал как удивленные и угрожающие взгляды молодых людей из окружения Эдит, так и ее невозмутимость. Он просто сказал ей так, будто они были одни:

— Эти ночные гулянки должны прекратиться, если ты действительно хочешь, чтобы из тебя что-то получилось. Избавься от этих паразитов, которые тебя окружают, и кончай так много пить.

— Хочешь, я его вышвырну? — воскликнул один из друзей Эдит, который так же хорошо разбирался в законах улицы, как и она сама. В его юном, но мужественном голосе зазвучало радостное предвкушение того, как он сейчас расправится с нарядным мсье.

² Рабочий квартал на востоке Парижа.

— Оставь его, — вмешалась Симона Берто — подруга Эдит, бывшая ей почти как сестра. Она тоже выросла на улице. Молодые женщины дружили уже несколько лет, поддерживая и оберегая друг друга. А еще Симона знала каждого мужчину, с которым Эдит ложилась в постель. — У тебя нет никаких шансов справиться с ним. Он служил не только в Иностранном легионе, но и в полку спаги³, ты о них знаешь.

— Но он не носит форму..

— Дураков нет. Теперь он гражданский человек и занят тем, что пишет песни для Мари Дюба⁴. Он ее личный секретарь.

Симона говорила довольно громко, и имя знаменитой певицы произвело заметный эффект на собутыльников Эдит. Если еще и оставались те, кто не впечатлился героическим прошлым Раймона Ассо в Северной Африке, то и они пришли в состояние крайнего изумления из-за его знакомства с Мари Дюба.

Тем временем на происходящее обратили внимание остальные посетители. Они глядели с любопытством и прислушивались. Один только хозяин за стойкой вытирал вымытые кофейные чашечки, словно происходящее в заведении его и не касалось, а потом с грохотом убрал посуду на полку.

— Если ты не изменишься, ты никогда не выступишь в *ABC*, — подытожил Раймон.

³ Французские кавалерийские полки *sпaгi* (спаги или спахи) были сформированы в первой половине XIX века в основном из жителей Алжира, Туниса и Марокко, которыми руководили французские командиры. На протяжении своей истории принимали участие во множестве военных кампаний. В современной французской армии сохранились в качестве бронетанкового подразделения.

⁴ Французская певица и актриса, одна из основательниц жанра французского шансона.

Стало так тихо, что, кажется, можно было услышать, как упала булавка. Даже хозяин на мгновение перестал шевелиться. *ABC* был другой планетой. Местом, внушающим благоговение. Его знали все, хотя бы по названию. Мало того что этот мюзик-холл находился в лучшем районе города, на одном из Больших бульваров⁵, так в нем выступали гиганты музыкальной индустрии, он был престижнее, чем легендарное «Мулен Руж». Буквально все исполнители мечтали получить признание на сцене *ABC*. Каждый, кому довелось выступить там, либо уже давно стал звездой, либо был на пути к тому. Всякий парижанин знал это наверняка.

И конечно, Эдит не была исключением. Она проходила мимо мюзик-холла, бросая тоскливые взгляды на афиши и анонсы концертов. Но она там ни разу не была, даже в качестве зрителя, ведь купить билет ей совсем не по карману. Так что *ABC* оставался таковой же мечтой, как и более обеспеченная жизнь.

Эдит пела перед публикой с десяти лет. Именно тогда отец объяснил ей, что отныне она должна сама зарабатывать себе на еду. И она начала петь на улице, а отец в это время демонстрировал акробатические трюки. Они странствовали по разным регионам, и обычно так получалось, что дочь своим чистым голосом зарабатывала больше, чем отец мускулами и ловкостью. Она пела те песни, что приходили ей на ум, в основном в стиле шансон. Именно такие исполняла по кофейням ее легкомысленная мать. А еще Эдит пела «Марсельезу». Ведь за французский национальный гимн люди всегда бросали несколько лишних монет

⁵ Большие бульвары Парижа находятся на правом берегу Сены, на месте старых городских стен времен Карла V и Людовика XIII.

в ее шляпу. Этих доходов ей хватало бы, если бы отец не отнимал всё. А если денег оказывалось мало, он ее бил. В это время Эдит не только познала жестокость уличной жизни, но и поняла, что пение ее призвание. Музыка делала для нее гораздо больше, чем просто обеспечивала материально — она дарила Эдит тепло, позволявшее забыть о том, что она не знала нежных объятий отца и матери. А потом были аплодисменты, пришло признание, и это повергало маленькую девочку в экстаз, который не шел ни в какое сравнение с опьянением, которое она испытала позже, распробовав вино. Аплодисменты дарили ей грандиозное переживание совершеннейшего счастья. Вот почему она не могла не петь для публики: только так она испытывала радость.

В пятнадцать лет она сбежала от отца, но никогда не обрывала связь с ним. Вместе с другим ребенком улиц — подругой Симоной — она окунулась в новую жизнь. Эдит пела на площади Пигаль, а Симона собирала деньги, которые подавали прохожие.

Вскоре девушки оказались под защитой молодых людей, имевших определенный вес в криминальной среде. Так начались дружеские отношения, которые и привели Эдит за этот угловой столик в маленьком бистро и которые длились уже почти три или четыре года.

Однажды Эдит и Симона отважились перебраться в лучший район, и у них сразу же возникли проблемы с полицией. Но тут им на помощь пришел дружелюбный мужчина средних лет. Это был Луи Лепле, владелец кабаре «Жернис».

Впечатленный пением девушки, он обучил Эдит основам вокального мастерства, предоставил стол и кров, из-под которого подопечные, впрочем, иногда

сбегали, выбирая сомнительную уличную свободу. В окружении молодой певицы мало что изменилось, хотя папа Лепле, как Эдит его ласково называла, привел ее с улицы на сцену своего кабаре, позаботился о первом контракте на выпуск пластинки и даже организовал ей выступление на радио. Он также придумал для нее сценические псевдонимы: «Малышка Пиаф» и «Воробушек». Эти имена намекали на ее малый рост — всего сто сорок семь сантиметров — и на ее независимую, дерзкую натуру.

Насильственная смерть папы Лепле, в причастности к которой подозревали Эдит, заставила ее на некоторое время покинуть Париж, а Симона, как всегда, последовала за ней. Между тем Эдит больше не надо было петь на улице — благодаря Луи Лепле она теперь могла похвастаться репертуаром, вполне подходящим для небольших сцен. Перемещаясь по провинции между Брестом⁶ и Ниццей, где ее никто не знал, Эдит находила работу во второсортных и третьесортных ночных клубах. Сборы, как правило, были невелики, но каким-то образом Эдит удавалось не только держать на плаву себя и Симону, но и весело кутить ночами напролет. Однако спустя пару месяцев молодые женщины, вдоволь насладившись странствиями, вернулись в Париж.

Вскоре после приезда Эдит познакомилась на Монмартре с Раймоном Ассо. Раймон не раздумывая взял ее под свое крыло. Он устраивал ей выступления в маленьких кабаре, нашел квартиру и в целом старался присматривать за ней. Он пытался научить ее вести себя как приличная дама и соответствующим

⁶ Город находится на западе Франции, на побережье Атлантического океана.

образом выглядеть. Раймон так и не уговорил Эдит сменить стиль и отказаться от обилия рюшек и воланов на одежде, но, по крайней мере, он сводил ее в хорошую парикмахерскую и посоветовал лучше ухаживать за собой. Последнее было сделано с определенным расчетом, поскольку Раймон и Эдит стали любовниками. Полному счастью мешала одна проблема: Раймон был женат и поэтому никогда не ночевал у Эдит, а та ненавидела оставаться ночью одна. Поэтому она позаботилась о том, чтобы Симона заняла другую сторону двуспальной кровати, а это, в свою очередь, вызвало недовольство Раймона. Впрочем, эти проблемы не изменили восторженного отношения Раймона к певческому таланту подопечной.

Подобно Пигмалиону из греческого мифа, о котором Эдит впервые услышала от Раймона, он создавал из нее идеальную, на его взгляд, шансонетку. Он научил ее видеть выразительность текста и правильно ее подчеркивать, приносил ей книги известных писателей. Эдит оставляла их без внимания; в какой-то момент ей пришлось признаться, что она почти не умеет читать и писать, потому что толком не ходила в школу. Тогда Раймон постарался возместить ей недостаток школьного образования. Все это делалось для того, чтобы воспитать из начинающей певицы великую личность. Раймон, несомненно, делал все возможное для ее карьеры, но даже ему не под силу было совершить невероятное: двери *ABC* были закрыты для таких, как она.

Она резко потряхнула его руку.

— Ты сошел с ума? Я должна выступить в *ABC*? Ты издеваешься надо мной?

— Директор Митти Голдин согласен, чтобы ты выступила на разогреве перед выступлением Жилия и Жюльена. Убедить его было очень непросто, мне пришлось говорить с ним всю ночь, но в конце концов

он согласился. У тебя будет тридцать минут. Премьера двадцать шестого марта.

Эдит вздернула подбородок. Она смотрела на Раймона с недоверием. До сих пор она всегда полагалась на него. Хотя он и не расстался с женой, но по-прежнему оставался ее лучшим другом, и она любила его за это. Полное отсутствие у него чувства юмора не очень ей нравилось, но сейчас это означало одно: сказав, что она будет петь в *АВС*, он не шутил. Несмотря на пьяный туман, клубившийся в ее мозгу, она поняла, что стоит на пороге великого дебюта, и непроизвольно вздохнула. Но вместо того чтобы броситься Раймону на шею, что было ее первым порывом, Эдит осталась, будто приклеенная, сидеть на стуле. Срывающимся голосом она выкрикнула:

— Шампанского! Всем шампанского!

Ее друзья оживились. Мужчины начали подталкивать друг друга локтями и ухмыляться.

— Нет, не шампанского! — заревел Раймон. Он щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание хозяйина. — Кофе! Принесите кофе. Мадемуазель нужно не шампанское, а кофе. И не меньше литра.

— Ты просто мучитель! — простонала Эдит.

— Да уж, это точно, — пробормотала в ответ Симона.

Остальные ее друзья заворчали.

— Неужели же его нельзя выгнать? — спросил тот парень, который уже предлагал это сделать.

— Если я сейчас выпью кофе, то не смогу заснуть! — запротестовала Эдит.

— И прекрасно, — парировал Раймон. — Ты будешь не спать, а работать. Как только немного протрезвеешь, мы поедем к Маргерит Монно⁷.

⁷ Маргерит Монно (1903–1961) — композитор, автор известных

Не отводя от него взгляда, Эдит демонстративно зевнула, не менее демонстративно прикрыв рот.

— Зачем ты хочешь познакомить меня со своей новой любовницей?

Вокруг раздался хохот.

— Ты ошибаешься. Она не моя любовница. — В холодных голубых глазах Раймона промелькнула молния. — Маргерит Монно — один из лучших музыкантов, которых я знаю. Она композитор, и мы работаем вместе. Именно она написала музыку к моей новой песне «Мой легионер», которая вошла в пластинку Мари Дюба.

— О, — пробормотала Эдит. Мари Дюба была для нее образцом для подражания. Она больше чем просто певица. Каждая ее песня становилась историей, в которой персонажи оживали, как в театральной постановке.

При этом она никогда не забывала о простых людях вроде Эдит и ее приятелей. Эдит хотела бы обладать подобным талантом. Она даже пыталась копировать перед зеркалом так восхитившую ее певицу, но ей не хватало ее тонкой ироничной составляющей. В Эдит было больше драматизма. То, что композитор Дюба захотела работать вместе с ней, Малышкой Пиаф, было почти так же невообразимо, как предстоящее выступление в *ABC*. Однако секретарь и поэт, писавший стихи для Дюба, стоял сейчас вплотную рядом с ней. Она чувствовала, как его рука крепко сдавливает ей плечо. Он был ее любовником и другом...

Между тем Раймон продолжал убеждать:

— Тебе необходимы для *ABC* собственные песни. В количестве не меньше пяти. Придется много репетировать. В *ABC* все зависит от силы голоса исполнителя,

там нет микрофонов. Кроме того, тебе понадобятся новый гардероб и хорошие манеры. От того, как ты появишься на публике, будет зависеть многое.

Он разворачивал перед ней бесконечный список необходимых вещей, будто какой-то средневековый гонец пергаментный свиток. Вскоре она вообще перестала воспринимать то, что он говорит. Перед ее мысленным взором стояли лишь три буквы — *ABC*, а еще — сценический псевдоним, который ей придумал папа Лепле. Он был набран сияющими лампочками, из которых обычно складывались имена звезд на светящейся вывеске, находящейся на бульваре Пуассоньер. Она увидела себя на большой сцене, которая скрывалась за двустворчатой дверью, и услышала, как поют «Мой легионер». Не так, как Мари Дюба, может быть, даже лучше... Какие прекрасные мечты! Но всего лишь мечты. Она была слишком пьяна, чтобы понять, говорит ли Раймон правду. «Выступление в *ABC*? Мое? Он сумасшедший», — подумала она. И тем не менее послушно взяла чашку кофе, которую ей принес хозяин заведения. Конечно, было бы неплохо соображать несколько яснее. Тогда она, возможно, поймет, зачем Раймон зашел в этот бар в половине шестого утра.

Его появление показалось ей похожим на выступление иллюзиониста в цирке: Раймон наколдовал белого кролика в шляпе и заставил его исчезнуть, после того как раздались аплодисменты. Правда, никто из ее друзей не хлопал. Может быть, кролик по-прежнему сидит на месте, а выступление в *ABC* — вовсе не иллюзия. И в конце ее дебюта аплодисменты обязательно будут. А дебют этот состоится в самом престижном музыкальном театре Парижа. Вопрос был только в том, является ли сама эта мысль реальной.